

ным найти в том, что рассказы действующих лиц обнажают сущности характеров рассказчиков и до предела концентрируют ложь и фальшь обстоятельств, засасывающих Настасью Филипповну. В этом смысле пети-жё становится необходимым формальным приемом, посредством которого содержание сцены актуализируется наиболее совершенным и гармоничным образом.

Еще раз повторим — суть отношений и жизни Епанчина, Гоцкого и Фердынько состояла в игре, в ношении масок, в приспособлении обстоятельств к себе и себя к обстоятельствам. Пети-жё как литературный миф в гротескной форме показывает бездушие и ханжество игроков в жизнь. Это ли не высвечивание уродства масок, напяленных на себя игроками, это ли не грозное предупреждение Настасье Филипповне не оказаться (через обручение с Ганей) в болоте, где нет подлинных чувств, искренности и свободы самопроявления? Тогда пети-жё становится необходимостью данного содержания сцены, тогда возникает гармоническое единство и необходимая связь пети-жё с общей идейно-эстетической концепцией, со всем содержанием романа «Идиот».

А. В. АРХИПОВА

«СЮЖЕТЫ ДЛЯ РОМАНОВ»

(несущественный замысел Достоевского)

Проблемы изображения детства в произведениях Достоевского в последнее время стали привлекать пристальное внимание литературоведов — Е. И. Семенова, В. С. Пушкаревой, В. Е. Ветловской.¹ В работах последней, в частности, убедительно проанализирована философская и религиозная символика детских образов Достоевского. Любопытные трактовки детской темы содержатся и в других работах о художественном стиле Достоевского,² что указывает на новую тенденцию: рассматривать образы детей не в плане только социальном и педагогическом, как это делалось обычно в XIX—начале XX в., а в плане поэтики и философии писателя.

Романы Достоевского при всем их отличии от других современных романов (Тургенева, Гончарова, Толстого), при огромной насыщенности философским, «идеологическим» содержанием, как и другие романы XIX в., часто строятся на материале семейных отношений. Отметим попутно, что чем старше литература, тем старше ее герой. Литература Ренессанса, а также Просвещения вплоть до эпохи сентиментализма интересовалась по преимуществу юным героем, его приключениями и похождениями, его любовными переживаниями. Роман начала XIX в. — это обычно роман о любви, часто заканчивающийся свадьбой, т. е. там, где начинается семья, а отношения молодых героев со старшим поколением если и изображались, то, как правило, однозначно: родители — препятствие на пути героев к счастью. Позднее темой

¹ См.: Пушкарева В. С. 1) Дети и детство в художественном мире Достоевского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1975 (здесь дана библиография более ранних работ на эту тему); 2) Тема «случайного семейства» в творчестве Ф. М. Достоевского и русская литература 70-х гг. — В кн.: Проблемы реализма и романтизма в литературе. Кемерово, 1974, с. 44—57; 3) Детство в концепции «золотого века» Ф. М. Достоевского. — В кн.: XXIV Герценовские чтения. Филологические науки: Краткое содержание докладов. Л., 1974; Ветловская В. Е. 1) Символика чисел в «Братьях Карамазовых». — ТОДРЛ. Л., 1971, т. 26, с. 143—150; 2) Достоевский и поэтический мир Древней Руси. — Там же, 1974, т. 28, с. 296—307.

² Интересную интерпретацию детских сцен «Братьев Карамазовых» предложили Р. Г. Назиров в докладе «Жесты милосердия в романах Достоевского» на VII чтениях «Достоевский и мировая литература» в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского в Ленинграде в ноябре 1982 г.

романа становится именно изображение семьи, т. е. не только молодых героя и героини, но людей разных поколений. К этому можно добавить, что в современной нам литературе, литературе XX в., героями все чаще являются старики, что, конечно, невозможно себе представить ни в эпоху Ренессанса, ни в XVIII в.

Достоевский сделал много открытий в сфере семейного романа, в изображении конфликта поколений. Тема эта его глубоко занимала. Проблемы отцов и детей поставлены в «Униженных и оскорбленных», они присутствуют в «Преступлении и наказании», в «Идиоте» и являются определяющими в трех последних романах писателя — «Бесах», «Подростке» и «Братьях Карамазовых».

Новаторство Достоевского в изображении семьи и конфликта поколений состояло в том, что он понимал проблему и как вечную, общечеловеческую (не менее важную, чем тема любви), и в то же время видел в ней явление, порожденное современным положением вещей. Писатель настаивал на том, что распадение внутрисемейных связей, крушение прежней традиционной семьи — характернейший симптом времени, имеющий тенденцию к развитию и распространению, явление, так сказать, историческое.

Распад традиционной семьи Достоевский считал одним из проявлений всего общего хаоса и разложения, наступившего в результате реформ 1860-х гг., которые, по его мнению, знаменовали окончание петровского, или, как он говорил, «петербургского» периода русской истории. Этот двухотчетный период характеризуется, по мнению Достоевского, отказом от развития органических естественных начал русской жизни и внешним усвоением чуждых нам заимствованных форм. Процесс этот захватил экономику, культуру, политическую жизнь и даже семейные отношения. Естественное же развитие выработавшихся веками «оснований» жизни было нарушено, традиция прервана. Если на Западе нравственные нормы и правила «выживаются» веками, являясь результатом всей жизни общества, то у нас они — плод насильственных сверху, при помощи различных циркуляров установлений. Поэтому отмена прежних установлений приводит к полному разложению: «все прерывается, падает, отрицается, как бы и не существовало» (16, 329).

Хаос и разложение современной жизни стали темой большинства произведений Достоевского. «И если в этом хаосе, в котором давно уже, по теперь особенно, пребывает общественная жизнь, и нельзя отыскать еще нормального закона и руководящей нити даже, может быть, и шекспировских размеров художнику, то, по крайней мере, кто же осветит хотя бы часть этого хаоса и хотя бы и не мечтая о руководящей нити?» (25, 35). На роль художника, призванного осветить современную жизнь, Достоевский, бесспорно, претендовал сам. Если Л. Толстого он называл «историографом нашего дворянства» (17, 142), то себя причислял к писателям, «одержимым тоской по текущему» (13, 455), на долю

которых выпадает неблагоприятная роль слишком многое угадывать в еще не сложившихся, несостоявшихся явлениях. «Угадывать и... ошибаться» (там же). «Дневник писателя» вызван на свет именно «тоской по текущему», страстным желанием вторгаться в жизнь, не дожидаясь, когда ее новые явления и типы обретут сложившиеся, законченные формы.³

Среди множества политических, экономических, нравственных проблем, поднятых автором «Дневника писателя», одно из ведущих мест занимают вопросы, связанные с современным состоянием семьи. Причем семьи всех сословий, от крестьянской до великосветской. Изображая положение детей в крестовстве, всевозможные надрывы и уродства в этой области (все эти Дюшювские и Кронеберги, дети-преступники и дети-самоубийцы), Достоевский показывает, как тесно связаны и переплетены эти проблемы с разными сторонами жизни общества.

Однако с годами Достоевский все больше видел назначение писателя не только в том, чтобы фиксировать происходящее, оперируя многочисленными и разнообразными фактами, и даже не только в том, чтобы указывать скрытые от взоров большинства «концы и начала», улавливая закономерности развития, а в том, чтобы вносить в этот разлагающийся хаос окружающей жизни положительное начало, объединяющую идею. «У нас есть бесспорно жизнь разлагающаяся и семейство, стало быть, разлагающееся. Но есть, необходимо, и жизнь вновь складывающаяся, на новых уже началах. Кто их подметит, и кто их укажет? Кто хоть чуть-чуть может определить и выразить законы и этого разложения, и нового созидания?» (25, 35).

Безусловно, единственно, кто может это сделать, это художник, способный провидеть будущее. Он должен быть в писателем идеала, позитивной мысли, ибо любимый Достоевским образ — Пророк — не только предсказатель будущего, но и писатель слова божия. В публицистике писателя часты призывы к пропаганде в искусстве идеальной сферы, положительного начала, без которого искусство теряет свою высокую объединяющую миссию. «Идеал ведь тоже действительность, такая же законная, как и текущая действительность» («По поводу выставки», 1873 — 21, 75—76). «Я неисправимый идеалист; я нишу святых, я люблю их, мое сердце их жаждет, потому что я так создаю, что не могу жить без святых, но все же я хотел бы святых хоть капельку посягать; не то стоит ли им поклоняться?» («Дневник писателя» за 1876 г., февраль — 22, 73). А выступая против «моды» на обличительную литературу, Достоевский заявлял: «Они (обличители. — А. А.) и не понимают, что только одна Красота вековечна». И далее: «И если б явился тут великий писатель с типом действительно великой, положительной Кра-

³ См.: Фридендер Г. М. Достоевский и мировая литература. М., 1980, с. 83—92.

соты — он бы всех увлек и сказал бы великое новое слово» («Сюжеты для романов» — 22, 151, 152).

Это, разумеется, отнюдь не понималось им как приукрашивание действительности или замалчивание ее темных сторон. Но мудрый художник, способный видеть дальше и глубже, чем все обычные люди (вспомним опять-таки пушкинского Пророка), должен уметь «определить и выразить законы и этого разложения, и нового созидания».

Положительные идеалы Достоевского во многом были связаны с надеждами на молодежь, за которой он внимательно наблюдал, но которую отнюдь не идеализировал. Молодежь нуждается в руководителях, — эту мысль он часто повторял, а существующая в России система воспитания, как и все существующие системы, его не устраивала.

Не будучи педагогом-профессионалом, не ставя задачи выработать целостную педагогическую систему, прежде всего потому, что считал это, как увидим ниже, ненужным, Достоевский тем не менее очень серьезно изучал современную педагогику и современную школу. Свои теоретические соображения и практические рекомендации по этим вопросам он много раз выказывал в «Дневнике писателя», в романах же эти мысли облечены в более сложную художественную форму. В соответствии со своей установкой на пропаганду положительного идеала Достоевский старался и в этих проблемах — современной семьи и школы — увидеть ростки нового, свежего, что можно было бы, хотя отдаленно и приблизительно, считать моделью будущих, нарождающихся «на новых уже началах» (25, 35) человеческих отношений. Писатель посещал Воспитательный дом и колонию малолетних преступников, обращал внимание на очень немногочисленные факты новых и отрадных явлений в «мире нашей педагогики».⁴

В предлагаемой статье нет возможности подробно охарактеризовать весь большой и сложный комплекс проблем, связанных с положением детей в обществе и их воспитанием, который Достоевский ставит хотя бы только в «Дневнике писателя». Вероятно, это тема специальной работы, которая может быть создана не только усилиями литературоведов, но и педагогов. Я рассмотрю лишь некоторые фрагменты «Дневника», до сих пор не привлекавшие внимания исследователей по той причине, что они впервые увидели свет в составе выше издающегося академического Полного собрания сочинений и писем Достоевского. Речь пойдет о фрагментах, не вошедших в окончательный текст статей, но тем не менее имеющих важное значение, так как вопросы, в них затронутые, нашли отражение и в других произведениях писателя; иногда же эти черновые фрагменты текста помогают

⁴ Так называлась одна из рубрик в издававшемся им в 1873 г. «Гражданине».

нам яснее понять и логику мысли Достоевского, и круг волновавших его проблем.

Один из незавершенных замыслов главы «Дневника писателя», названный Достоевским «Сюжеты для романов», был, по-видимому, первоначально связан с задачами, стоящими перед художественной литературой. В соответствии со своим пониманием роли искусства в обществе Достоевский выступает против определенной «моды» на литературные «направления», против того, что в другом месте он называл «мушкетерностью» искусства (21, 73). Массовая литература, способная заинтересовать «низшего разбора общество», «менцанскую, так сказать, средицу его» (22, 151), создается людьми не талантливыми, не оригинальными, а «бездной подражателей». Они «ускаются» вперед за художником «с сильным талантом, с великодушием в сердце» (22, 150), который всегда говорит что-то новое, но «оплошывают даже свою же идею» (22, 151). Обилие этих «маленьких талантиков», прижимасных толпою чуть не за гешев, — показатель несамостоятельности, человеческой и гражданской незрелости как писателей, так и массы читателей. В набросках к главе «Сюжеты для романов» Достоевский рассуждает о причинах этой несамостоятельности и видит ее в общей гражданской незрелости как общества в целом, так и отдельных его граждан, произошедшей от «двухсотлетней опеки», которую установил Петр Великий («*Pierre le Grand*» — иронически именуется здесь Достоевский). «Личностей, самостоятельности мало. Оскудели. <...> Сами себя в грош не ставим и даже с умилением, тем самым признаем неизбежность опеки» (22, 146).

Несамостоятельность эта проявляется в различных сторонах жизни общества, в том числе в педагогике, на критике которой Достоевский останавливается особенно подробно.

Весь круг намеченных в черновых набросках педагогических проблем можно разделить по трем основным темам: 1. Воспитание детей в семье. 2. Воспитание детей в школе. 3. Общие задачи педагогики.

Разделение это условное, так как в тексте Достоевского все эти темы перемешаны, переплетены и связаны с целым рядом других вопросов, выходящих подчас за педагогические рамки.

Воспитание детей в семье (имеется в виду семья «средне-высшего» круга) не может помочь детям выработать самостоятельность характера, развить их в самостоятельных личностей. Родители уклоняются от занятий с детьми, поручая это швейцарам или немцам. Дело это вообще не почитается ими важным и серьезным, и несмотря на возникшую в последнее время моду на педагогические разговоры и интересы, все как-будто играют в педагогику «и точно представляют. Великосветский актер какою-нибудь учителя, великосветские люди представляют какую-то комедию» (22, 150).

Большая же часть родителей отсылают своих детей в казенные школы. Закрытое учебное заведение, видимо, не вызывало

симптом Достоевского. Изображение его и в «Подростке» (на-спониишко Тушара), и в «Дневнике писателя» всегда одно-значно — отрицательно. В «Сюжетах для романов» намечено не-сколько мотивов или тем о ребенке, попавшем в гимназию или военную школу. Возникают и ассоциации с собственными воспо-минаниями о детстве, проведенном частью в пансионе Чермана, частью в Инженерном училище. Вспоминается «наша военная школа», в которой существовал установившийся «порядок», когда воспитанники старших курсов всячески издевались над млад-шими, унижали их (см.: 22, 397). Мальчик, оказавшийся отор-ванным от семьи, от дома, подвергающийся насмешкам и изде-вательствам товарищей и встречающий холодное равнодушие со стороны учителей и воспитателей («Ну, это некогда долго рас-сматривать, возиться с каждым мальчишкой» — 22, 148), — такой мальчик приходит в отчаяние и решается бежать из учебного за-ведения, напоминаящего ему тюрьму. Его находят, возвращают и постановляют: исключить. По существующему же положению ученик, исключенный из учебного заведения, не может быть при-нят в другую школу. Вся эта история, чуть намеченная в набро-сках к статье, окруженная такими деталями и подробностями, как упоминание о тетке, у которой мальчик жил в деревне, видимо, не имея родителей, и которая «старякала» его в школу, и о вы-зове провинившегося мальчика к директору училища (гене-ралу), — представляется Достоевскому «великолепным сюжетом для романа» (22, 148). В связи с этим вспоминаются писатели, сумевшие показать сложный внутренний мир ребенка, его оди-ночество в чуждой ему или казущейся чуждой среде: Диккенс и Лев Толстой. Помянуты Оливер Твист и Копперфильд, а раз-гадка того, почему в этой же связи назван и Лев Толстой, содер-жится в январском выпуске «Дневника» за 1877 г. Там, в статье «Именинник» Достоевский подробно разобрал «чрезвычайно серьезный психологический этюд» (25, 32) Толстого о страданиях наказанного и запертого в пустой комнате Николеньки Иртеньева.

Намеченный сюжет о мальчике, бежавшем из казенной школы, не был осуществлен, но позднее в «Дневнике писателя» мы на-ходим его отголоски. Так, в февральском выпуске за 1877 г. го-ворится о состоянии ребенка, попавшего в закрытое учебное за-ведение и чувствующего себя одиноком среди шумной ватаги ребят. «Ни одного-то слова маски от начальства, строгости от учителей, такие мудреные науки, такие длинные коридоры и та-кие бесчеловечные сорванцы, обидчики и пасмешники, безжалост-ные его товарищи» (25, 41—42). В закрытой школе процветают ложь, обман и жестокость. Дети издеваются над тоскующим о своем доме мальчиком, бьют его. «Я замечу про себя, — добав-ляет Достоевский, — что таких несчастных детей я довольно встречал в моем детстве в разных школах, — и какие преступле-ния совершаются иногда в этом роде в наших воспитательных заведениях, всех разрядов и наименований, — именно преступле-ния!» (25, 42).

Примечательно, что яркая память о собственном детстве во многом питает создаваемые Достоевским картины детской жизни. Это сказалось и в романах его, и, еще более непосредственно, в публицистике. «Я не помню в моем детстве ни одного педагога и не думаю, чтоб их и теперь было много: все лишь чиповники, полужающие жалованье» (25, 42). Чиповники, система, поро-жденная циркулярами, — эти понятия, с точки зрения Достоевского, неприменимы к педагогике, а между тем наша отечественная система воспитания столь же неорганична для нашей жизни, как и вся культура «петербургского периода русской истории». Сей-час «все говорят о воспитании». «Экзамены из педагогических предметов. <...> Педагогические съезды, курсы» (22, 146, 148). Однако все это замешивано, не выжито, а главное — лично-стей, самостоятельности мало. «Запомним педагогов попе-воле действуют циркулярами; у нас выключаются и перенимают лишь форму» (22, 146, 147). Пороки педагогической системы — лишь одна из сторон порочности всей русской действительности, отсутствия выжитого опыта, доверия к самим себе. «Живой са-мостоятельный дух нужен — и тот, который у своих» (22, 146). Системе, порожденной циркулярами, противопоставляется свобод-ная деятельность самостоятельных активных личностей, искренне заинтересованных в результатах своего труда. Тем более это важно в деле воспитания. Фребель, Песталоцци были яркими, выдающимися личностями, но превращенные в образец, подогнан-ные под циркуляр, они превращаются в свою противоположность. «Возьмем хоть Фребеля, порешили циркулярами. Циркулярами порешать легко» (22, 148). И в другом месте: «Я уверен, что детский сад дрянь, но у самого Фребеля это не дрянь <...> Это самостоятельно и у того не дрянь» (22, 146). С одной стороны, осуждается официальная линия, подавляющая всякую индивиду-альность, с другой — либеральная болтовня о нашей второстепен-ности и о превосходстве западной культуры. «Если б изобрел рус-ский систему воспитания, господи, да его бы съели» (22, 147). Поэтому «падо с одной (с административной) стороны больше свободы к приложению сил, с другой (собственной) — самостоя-тельных личностей» (22, 146). В набросках к «Сюжетам для ро-манов» Достоевский называет некоторые из таких личностей. Они безвестны или слывут за чудаков, но это «твердые» люди, во всех своих действиях руководствующиеся только любовью. Их мало, но они есть. Прежде всего упомянут ставший уже полубогемдан-ной личностью доктор Ф. П. Гааз (1780—1853), бывший главным врачом московских тюремных больниц и раздавший все свое со-стояние на помощь арестантам. Доктор Гааз («генерал Гас» в «Сюжетах для романов») не раз упоминался Достоевским (см.: 9, 344), рассказывал о нем и Герцен во второй части «Бы-лого и дум». ⁵ «Генерал Гас» — это почти легенда, символ. Чело-век, весь без остатка отдавший себя служению людям. В «Сюже-

⁵ См.: Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1956, т. 8, с. 211—212.

тах для романов» названы и другие примеры. Это безымянный чиновник, воспитывающий подкинутых детей, какой-то студент, который, хотя и не обучался педагогике, оказался по-настоящему талантливым педагогом и помог исключенному из школы мальчику (сыну кухарки) поступить в гимназию и вместе с тем избавиться от вредного порока, за который мальчик и был исключен. Упоминаются педагоги Исаков, Цейдлер (в черновиках ошибочно названный Цербет). «Эти люди не стыдятся своего призвания и не смотрят на него цинично» (22, 147). Сведения о них Достоевский стремился сообщать читателю в пору своей издательской деятельности. Так, во «Времени» печатались «Воспоминания и размышления» Е. Тур, где рассказывалось о Гаазе,⁶ в «Гражданине» статьи Мецгерского, Майкова и Порецкого о Петре Михайловиче Цейдлере (1821—1873), ставшем с 1864 г. директором Воспитательного дома в Петербурге. В «Гражданине» же рассказывалось и о двадцатилетнем студенте, оказавшем столь благотворное влияние на исключенного из школы мальчика.⁷

Живая личность, самостоятельный ум, педагогический талант делают чудеса по восстановлению человека (как доктор Гааз с каторжными или Цейдлер с питомцами воспитательного дома). И только такие личности могут быть педагогами, а не «чиновники, получающие жалованье».

Существующая школа, где дети обезличены, оторваны от семьи, представляется Достоевскому безусловно плохой. Нормальный ребенок не может не страдать, оказавшись в такой обстановке. А если он не страдает, чувствует себя в ней естественно, — он не может вырасти в самостоятельную личность. Такая школа личности противопоказана. Поэтому и замечает Достоевский в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г., что «вот эти-то дети, которые, поступая в школу, тоскуют по семье и родимом гнезде, — вот именно из таких-то и выходят потом всего чаще люди замечательные, со способностями и с дарованиями. А те, которые взятые из семьи, быстро уживаются в каком угодно новом порядке, в один миг ко всему привыкают, которые ни о чем никогда не тоскуют и даже сразу становятся во главе других, — эти всего чаще выходят лишь бездарностью или просто дурными людьми, пролазы и интриганы еще с восьмилетнего возраста. Разумеется, я сужу слишком вообще, но все-таки, по-моему, тот плохой ребенок, который, поступая в школу, не тоскует про себя по своей семье, разве что семья у него вовсе не было или была слишком плохая» (25, 42).

Итак, школе, где человек обезличен, противопоставлена семья, где каждый ребенок окружен любовью и где к нему относятся как к индивидуальному существу. Семья для человека, начинающего жизнь, — это форма связи с родом, почвой, от которой До-

стоевский ни при каких обстоятельствах не считал возможным оторваться. Отрыв же этот губителен. Дурные, злые дети кажутся понапавшему в школу мальчику людьми без роду-племени. «Что у них совсем нет деревни, матерей? — думает он» («Сюжеты для романов» — 22, 148). «Точно у них сердца нет, точно у них не было ни отца, ни матери!» («Дневник писателя» за 1877 г. — 25, 42).

Но мы помним, живописцем и историком какой семьи считал себя и был в действительности Достоевский. Пожимая, что красивая, прочная семья средне-высшего круга вот-вот канет в вечность, чего не мог не почувствовать другой гениальный художник и педагог — Лев Толстой, — Достоевский тем не менее верит в возникновение каких-то новых семейных отношений, так как есть «жизнь разлагающаяся» и «жизнь вновь складывающаяся». Семья, основанная не на традиционном повиновении младших старшим и не на сохранении во что бы то ни стало старого уклада, а семья, в основе которой лежат любовь и уважение друг к другу всех ее членов, особенно старших к младшим, представлялась Достоевскому тем идеалом, который он старался пропагандировать. Смутные образы таких отношений стояли перед писателем, когда он изображал любовь и полимиание между родителями и детьми, будь то отношения Нелли Валковской с ее «мамашей» или штабс-капитана Снегирева с Илюшечкой. «Эти создания тогда только вторгаются в душу нашу и прирастают к нашему сердцу, когда мы, родив их, следим за ними с детства, не разлучаясь с первой улыбкой их, и затем продолжаем родниться взаимно душою каждый день, каждый час в продолжение всей жизни нашей. Вот это семья, вот это святость! Семья ведь тоже *созидается*, а не дается готовою, и никаких прав и никаких обязанностей не дается тут готовыми, а все они сами собою, одно из другого вытекают. Тогда только это и крепко, тогда только это и свято. Созидается же семья неустанным трудом любви» (22, 69—70).

Ностальгия по такой семье всегда переживалась Достоевским. Вспоминал ли он о своем детстве и о своих родителях, явно идеализируя их и отношения их с детьми, давал ли какие-то советы Анне Григорьевне или какие-то рекомендации читателям «Дневника писателя», он стремился конструировать эти новые семейные отношения.

В наборной рукописи «Дневника писателя» за 1877 г. (январь, глава II, § 3) есть один интересный пассаж, где говорится об отношениях родителей к детям. Пассаж этот был выброшен в корректуре, не вошел в окончательный текст «Дневника» и до сих пор был неизвестен читателю. А между тем рассуждения Достоевского здесь очень показательны для его воззрений на эту проблему.

«Сделаю одно сравнение. Возьмите хоть птичье гнездо. Выведенные детеныши жмутся сначала под крылом самки, самец носит пищу. Но детеныши растут, укрепляются, выучиваются мало-

⁶ См.: Время, 1862, № 6.

⁷ См.: Гражданин, 1873, 26 февр., № 9.

помалу летать, и вот вдруг все гнездо разлетается, разрушается единение, все они вдруг чужды друг другу. У людей это несколько иначе: оперившимся детенышам хоть и очень хочется разлететься в стороны (о, как хочется сначала, даже до несправности к семье и старому домашнему очагу, если их полет будет чем-нибудь задержан), но сношения не покидаются всю жизнь. Но тут-то и бывают родительские ошибки. Есть родители, которые не понимают и не допускают в детях такой жадности стремления бросить поскорее родное гнездо, чтоб испробовать свои крылья, и даже отпустив детей, они требуют от них частых писем, почтительности. . . Но почтительность уже не любовь и не свободная любовь. Иногда это требование почтительности, благодарности окончательно раздробляет семейство, наполняя сердца детей терпением, насмешкой, а пожалуй так и ненавистью. Гораздо лучше поступит те родители, которые спарядят детей в путь, помогут им и пустят их вон из гнезда, не обременяя их требованиями почтительности, не напоминая им о благодарности. Будь хоть какой угодно гений и самостоятельно сильный характер оперившийся и улетающий из гнезда птенец, но все же ничего не знает в жизни, вылетая из гнезда, а потому скоро почувствует и тяжесть, и усталость, и разочарование, и вот тут-то он вспомнит непременно о добрых родителях, о том, что любят его они бескорыстно, всегда и до сих пор, и вечно будут помогать ему, а между тем иногда-то не посадили ему укорам, попреками за неблагодарность, за забвение их, за непочтительность, любили его, терпели и ждали его молча. И вновь всем сердцем воротится в гнездо свое улетающий из него птенец и во второй раз и уже навеки соединится, создастся опять семейство, дитя признает вновь родителей и прильнет к ним, а родители как бы вновь приобретают его» (26, 257).

Разумеется, любая семья, в том числе и хорошая, не избегит страданий, потрясений, драматических столкновений между ее членами. Достоевский это прекрасно понимал. Не случайно сосредоточивался он на изображении «трудных подростков», говоря современным языком. И он великолепно осознавал, что сложность и противоречивость личности в эпоху ее созревания порождены не только социальными, но и физиологическими причинами. Однако он считал, что все неизбежные драматические переживания на пути становления человека могут оказаться временными проявлениями болезни роста, что подросток и юноша, минуя их, сможет обрести себя, стать личностью, если была у него в детстве семья, связавшая его с почвой, с народной традицией. Такая семья прививает человеку с детства верные представления о любви, добре и правде.

В эпиллоге «Братьев Карамазовых» Алеша, этот идеальный, с точки зрения Достоевского, педагог, так выражает эту мысль, обращаясь к мальчикам:

«Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского

дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь такое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь» (15, 195).

Детские образы в романе «Братья Карамазовы», этом философском и художественном итоге творчества Достоевского, имеют множество значений. Обычный реалистический, психологический уровень их помогает понять изображенную эпоху, ее характеры и социальные проблемы. Но детские образы, как это часто случается в произведениях большого искусства, имеют и символическое значение, позволяющее пропикнуть в философский и религиозный смысл романа.⁸

Примечательно, что ни в каком другом произведении Достоевского детские образы не занимают такого большого и самостоятельного места, как в его последнем романе. Не случайно роман завершается детской сценой, в которой Алеша изображен как тот необходимый молодежи руководитель, «за которым она последует с восторгом» (25, 270). В черновиках к майско-июньскому выпуску «Дневника писателя» за 1877 г., говоря о необходимости появления такого руководителя нового типа («и это, может быть, случится, ибо потребность есть сильная»), Достоевский указывал и на то, что тип этот еще не сложился и что даже предсказать его трудно. «Каков должен быть этот будущий руководитель, какова роль его, что он скажет, чем увлечет. Что пошлет нам в его лице наша русская судьба — вот вопрос» (25, 270). Ответ на все эти вопросы в эпилоге «Братьев Карамазовых». В «речи у камня» Алеше именно удалось «разом их пленить и осветить, и увлечь за собой» (25, 270). Здесь сказано стремление писателя провидеть будущее, угадать то новое, что еще складывается, создается, показать то положительно-прекрасное, что только возникает в жизни, но что непременно разовьется в ней. Здесь и надежда на то, что будущие поколения будут лучше настоящих. Побольше бы только на пути русских мальчиков встречалось таких руководителей, как Алеша Карамазов.

⁸ См. работы В. Е. Ветловской и Р. Г. Назирова, указанные в сносках 1 и 2.